

В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА

УДК 101.1:316

МАКС ВЕБЕР О ДУХЕ КАПИТАЛИЗМА

В.В. Чешев

Томский государственный
архитектурно-строительный университет

vladislav.tcheshev@yandex.ru

М. Вебер в своем широко известном исследовании «Протестантская этика и дух капитализма» указывает на культурно-исторические основания становления капиталистического общества. В предлагаемой статье позиция М. Вебера сопоставляется с марксистской концепцией становления капитализма, которая указывает на решающее значение развития средств производства в условиях частной собственности. Это обстоятельство позволяет К. Марксу назвать капитализм универсальным этапом развития, свойственным всем развивающимся обществам. Из сравнения позиций К. Маркса и М. Вебера сделано заключение, что капитализм возник как продукт сугубо европейского развития, в процессе которого сформировался этос капитализма, представленный хозяйственной этикой, для появления которой, как полагал М. Вебер, решающее значение имела трудовая этика протестантизма. Названное обстоятельство ставит под сомнение марксистское представление о всеобщности капитализма как необходимой фазы развития в истории всех народов.

Ключевые слова: капитализм, хозяйственная этика, протестантизм, марксизм, этос капитализма, рационализм.

MAX WEBER ON THE SPIRIT OF CAPITALISM

V.V. Cheshev

Tomsk State University of Architecture
and Building

vladislav.tcheshev@yandex.ru

Max Weber in his famous study of “The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism” has recognized the cultural and historical reasons for the formation of capitalist society. In this article Weber’s position has been compared with the Marxist concept of the emergence of capitalism, which indicated the fundamental role of the development of means of production in the conditions of private ownership. This allows Marx to definite capitalism as a universal stage for the development of all societies. From a comparison of the positions of Marx and Weber, the author has concluded that capitalism emerged as a product of a purely European development, during which the ethos of capitalism was formed. According to Weber, this ethos is presented by economic ethics, the appearance of which was determined by the labor ethics of Protestantism. This circumstance casts doubt upon the Marxist idea of the universality of capitalism as a necessary phase of development in the history of all peoples.

Key words: capitalism, economic ethics, Protestantism, Marxism, the ethos of capitalism, rationalism.

В творчестве немецкого социолога исключительное внимание было уделено хозяйственной этике в религиозном сознании народов, и такой подход принципиально противоположен марксистскому видению названной сферы человеческой деятельно-

сти. Хотя исследование М. Вебером «духа капитализма» многократно прочтено и оценено научным сообществом, нам придется еще раз обратиться к его содержанию. Как уже было ранее отмечено [4], основной мотивацией человека, создающего историю, марксизм называет удовлетворение материальных потребностей, причем потребностей все возрастающих, как на том настаивала и советская официальная идеология. Указанный мотив положен в фундамент деятельного отношения человека к природному миру. Практическая деятельность человека, направленная на достижение этой цели, порождает прогресс, сущностью которого оказывается развитие средств производства. Вся история человечества получает одномерное измерение, и в таком случае все народы выстраиваются на линейной шкале прогресса. Подобное воззрение хорошо согласуется с естественно-научной картиной мира и мировоззренческой установкой на изучение объективных законов природы. Неудивительно, что представление о человеческой истории оказалась вложенным в формат научной конструкции, задаваемой ньютоновской методологией, в пределах которой совокупность объективных факторов (материальные потребности) и развитие деятельных средств их удовлетворения детерминируют структуру общества на любой исторической стадии. Законы развития оказываются универсальными, едиными для всего человечества.

Марксистская теория легко воспринимается людьми с естественно-научной подготовкой, уверенными в существовании непреложных объективных законов. Однако такого рода материализм (экономический материализм, как выражались в России) встретил принципиальное возражение, суть которого В.С. Соловьев выразил

следующим образом: «Для всех, кто признает какой-то смысл в истории человечества, не подлежит сомнению, что историческая жизнь народов определяется прежде всего их основными убеждениями, их общим мировоззрением. В известные эпохи и в известных общественных слоях могут появляться люди, совершенно освободившиеся от всяких убеждений, лишённые внутреннего содержания, — люди пустые, одним словом; но пустых народов не знает история» [3, с. 15]. Становится очевидной дилемма, заставляющая выбирать между двумя противоположными концепциями: либо жизнь народов детерминирована процессом удовлетворения материальных потребностей (степенью развития производительных сил), либо она определяется их основными убеждениями, их общим мировоззрением. Либо, наконец, нужно искать способ соединения того и другого.

В.С. Соловьев был не одинок в своем представлении о роли убеждений в истории народов. Установки мировоззренческого характера всегда живут в обществе, и постановка вопроса об их роли в истории ведет к вопросу о роли культуры в истории народов и об ее отношении к «истории материальной», т. е. к возникновению и организации тех или иных способов общественного производства. Убеждения, в которых выражены основные смыслы и жизненные ценности, не могут не воздействовать на общественную организацию хозяйственной деятельности человека, но не факт, что они возникают из этой хозяйственной деятельности, порождаются ею. В немецкой философии и в немецкой гуманитарной мысли это важное положение принимали, каждый по-своему, в конце XIX и начале XX века три ее представителя, а именно В. Зомбарт, М. Вебер и О. Шпенглер. Дух капитализ-

ма – это понятие введено М. Вебером – исследуется В. Зомбартом в книге «Буржуа», в предисловии которой автор пишет: «Как создавался дух нашего времени, – вот что пытается описать настоящая книга путем изложения генезиса носителя этого духа и его представителя – буржуа» [2, с. 3]. И далее: «Если говорить образно, то можно относиться к хозяйственной жизни как к организму и утверждать о нем, что он состоит из тела и души... Хозяйственный дух – это совокупность душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйствование. Это все проявление интеллекта, все черты характера, открывающиеся в хозяйственных стремлениях, но это также и все задачи, все суждения о ценности, которыми определяется и управляется поведение хозяйствующего человека» [2, с. 5–6]. Центральный вопрос, на который указывает В. Зомбарт: «Всегда ли и везде ли один и тот же дух господствует в хозяйственной жизни, или точнее, в хозяйственном человеке, или же можно различать виды этого духа, смотря по личностям, профессиям странам, эпохам или еще как-нибудь» [Там же]. О «фаустовском духе», рожденном в эпоху Просвещения и органически связанном с историей буржуазной Европы, писал в своем сочинении «Закат Европы» О. Шпенглер, сетовавший на угасание этого духа в стадии жизни, названной им цивилизацией. Но на более строгую фактическую основу мысль о роли культурных начал в организации хозяйственной жизни поставил М. Вебер.

Культурные начала формируют поведение людей в обществе и потому всегда несут моральные нормы, т. е. нравственные основания, представляющие как воплощение моральных принципов в конкретных формах поведения людей. Но, как настаивал В.С. Соловьев, моральные принципы не

ограничиваются сферой индивидуального сознания, они пронизывают общество и организуют общественную жизнь. Если принять такой ход мысли, т. е. согласиться с фундаментальной ролью этических начал в человеческой истории, то придется существенно изменить взгляд на природу капитализма и на его возникновение. В последнем случае придется соединить видение хозяйственной деятельности с какими-то иными обстоятельствами, с культурной традицией, с мировоззренческими установками, вообще с миром мотиваций и ценностей, пронизывающих человеческие поступки, и более основательно обратиться к роли этических начал в становлении капиталистической «общественно-экономической формации», если пользоваться терминологией К. Маркса. Как известно, такое соединение было предпринято М. Вебером в его небольшой, но плотно написанной работе «Протестантская этика и дух капитализма». Немецкий социолог был первым, кто дал основательное социологическое освещение другой стороны капитализма, именно его этических оснований, определивших хозяйственный строй капитализма или, во всяком случае, предопределивших, согласно веберовскому анализу, его своеобразный рационализм. Нам придется еще раз обратиться к хорошо известным идеям М. Вебера как альтернативной марксизму концепции, обращенной к хозяйственной этике капитализма.

Становление европейского капитализма М. Вебер связывает с формированием трудовой этики этого «способа производства», и основная идея его исследований заключается в том, что становление капитализма имеет свои культурные корни. Всякая хозяйственная деятельность в обществе определенным образом мотивирована, и

основные жизненные мотивации отражаются в хозяйственном поведении людей. Характерной мотивацией субъекта капиталистического хозяйствования является получение наживы. На этом сосредоточил свое внимание В. Зомбарт при описании капитализма, но исследование М. Вебера дает более глубокую социологическую оценку установки на наживу как мотивацию капиталистического предприятия. М. Вебер отмечает, что на индивидуальном уровне стремление к наживе не является чем-то исключительным и по-разному обнаруживает себя в различных социальных группах: «Стремление к предпринимательству, стремление к наживе, к денежной выгоде, к наибольшей денежной выгоде само по себе ничего общего не имеет с капитализмом. Это стремление наблюдалось и наблюдается у официантов, врачей, кучеров, художников, кокотов, чиновников-взяточников, солдат, разбойников, крестоносцев, посетителей игорных домов и нищих – можно с полным правом сказать, что оно свойственно людям всех типов и сословий всех эпох и стран мира, повсюду, где для этого существовала или существует какая-либо объективная возможность» [1, с. 47]. Однако само по себе индивидуальное стремление к получению выгоды не порождает той или иной общественной системы. Особенность капиталистической системы в том, что установка на получение наживы теряет частный характер и становится фундаментальным признаком, фундаментальным свойством системы ведения хозяйства и общественной системы в целом. Стремление к получению прибыли является доминирующим в мотивации предпринимательской деятельности при капитализме, но здесь оно оформлено особым образом уже не как индивидуальная устремленность

на «наживу», но как принцип, вне которого хозяйственная деятельность становится невозможной. М. Вебер пишет об этом следующим образом: «Капитализм безусловно тождественен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно возрождающейся прибыли, к рентабельности. И таким он должен быть. Ибо в рамках капиталистической системы хозяйства предприятие, не ориентированное на рентабельность, неминуемо осуждено на гибель. ... Капиталистическим мы здесь будем считать такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования обмена, т. е. мирного (формально) приобретательства» [1, с. 48].

Рациональность капиталистического предприятия выражается в том, что оно организуется как средство получения прибыли, и иначе оно и не может быть сформировано в возникшей системе хозяйствования. В свое время К. Маркс отразил это обстоятельство формулой капиталистического рынка Д-Т-Д. М. Вебер указывает, что такой тип рациональности и такой тип мотивации смог принять системный характер только в процессе развития европейской культуры, но не мог принять всеобщего значения в культурах других обществ: «Нигде, кроме Запада, не было и не могло быть “пролетариата” как класса, поскольку не было рациональной организации свободного труда... Поэтому нигде, кроме Запада, не могла сложиться та проблематика, которая свойственна современному социализму. ... Во всех приведенных выше своеобразных явлениях речь, очевидно, идет о специфическом “рационализме”, характеризующем западную культуру. ... Следовательно, вопрос вновь сводится к тому,

чтобы определить своеобразие западного, а внутри него современного западного рационализма и объяснить его развитие» [1, с. 53, 58].

Специфическую рациональность, проявляющуюся в организации капиталистического предприятия и названную «духом капитализма», М. Вебер связывает с важным историческим явлением, а именно с Реформацией и утверждением протестантизма в Европе. Для истории Европы Реформация имеет фундаментальное значение. Борьба Реформации и Контрреформации явилась внутренней гражданской войной в Европе, совершавшейся на религиозной почве. В европейской Реформации есть свои исторические особенности, в частности, она ускорила процесс индивидуализации человека, выясняющего свои отношения с Богом в контексте проблемного вопроса о спасении. С другой стороны, тенденция к самоутверждению индивида, начатая Возрождением, получает в Реформации новый характер, существенно отличный от «возрожденческого». Но это отдельная сторона европейской истории, в то время как нам важен характер мироощущения, видение мира, положения человека в мире и смысла человеческой жизни, которые принес протестантизм как сакральная суть Реформации.

Как известно, протестантизм не имеет всемирной (вселенской) церковной организации, хотя и предстает как одна из ветвей христианства. Поэтому протестантизм, единый в своих догматических основаниях, распадается на ряд школ и общин. Следуя за М. Вебером, необходимо обратиться к изначальной догматике протестантизма, разработанной в свое время М. Лютером, лидером реформаторского движения в Германии.

Религиозная догматика всегда изобилует многими нюансами и тонкими вопросами. Наиболее известный тезис М. Лютера, касающийся христианского спасения, заключается в следующем: добрые дела не спасают, спасает только вера (*sola Fide*). Тезис очень важный, несущий в себе фундаментальные религиозно-этические начала, потому он требует комментария. Известно, что под добрыми делами здесь имеется в виду преимущественно лицемерная аскеза католических монахов. Однако эта догма принимает у Лютера всеобщий и фундаментальный характер. Она утверждает, что человек своими действиями (раздачей милостыни, аскезой, отшельничеством и другим выражением святости или человеколюбия) не может обеспечить свое спасение, в то время как вопрос о спасении является главной проблемой христианской этики, христианской веры. По Лютеру, человек слишком слаб, чтобы обеспечить свое спасение, и эта мысль выражена другим фундаментальным тезисом его теологии, суть которого в том, что человек лишен свободы воли. Если христианская догматика еще в период патристики определилась с проблемой свободы воли человека, его выбором и ответственностью за выбор пути святости или пути греха, то Лютер видит решение этого вопроса совсем иначе. Именно вопрос о спасении за пределами человеческих возможностей решает Бог. Поэтому одни люди предопределены творцом к спасению, и ничто уже не отвлечет их последующего вхождения в рай (их руками Бог творит свой промысел), другие же суть отверженные, т. е. те, кому в спасении отказано и которые спасены не будут, чтобы они ни делали и как бы они ни жили. Об этих отверженных, кстати, и написан роман В. Гюго «Отверженные», такое описание

земной жизни названной категории людей, среди которых также есть и злые и добрые, как, например, Жан Вальжан. Это противоречие (добрый, даже благородный в своем поведении человек среди отверженных, представленных соответствующими социальными группами) не может решить в своем сознании инспектор Жавер, что и приводит его к самоубийству.

Итак, отверженные есть отверженные, а спасенные (предопределенные к спасению) есть спасенные. И у каждого своя земная судьба. Но никто из живущих не знает, отверженный он или спасенный, Бог никому не сообщает своего приговора, и в такой ситуации приходится решать вопрос о земном призвании христианина, вопрос о его христианской добродетели. В чем она должна заключаться? Ответ Лютера на поставленный вопрос таков: добродетель христианина заключается в честном приумножающем труде. Акцент здесь сделан именно на приумножающем успехе такого труда. Приумножение не средство к комфортной или роскошной жизни, не путь в гламурную богему, ни в коем случае! Приумножение есть цель сакральная, успех в деле приумножения есть косвенное свидетельство об избранности приумножающего. На эту сторону дела М. Вебер указывает, цитируя американского просветителя Бенджамина Франклина (заметим, что Северная Америка и ее «дух процветания» создавались преимущественно протестантами кальвинистского толка). В форме наставлений юному другу Франклин пишет следующее: «Помни, что деньги по своей природе плодоносны и способны порождать новые деньги. Деньги могут родить деньги, их отпрыски могут породить еще больше и так далее... Тот, кто убивает супоросную семью, уничтожает все ее потомство до ты-

сячного члена. Тот, кто изводит одну монету в пять шиллингов, убивает (!) все, что она могла бы произвести: целые колонны фунтов» [1, с. 72]. При этом Бог помогает своим избранным. Это форма проявления благодати, которой лишены отверженные. Почему христианский Бог так несправедлив, что одним дарует спасение, а других изначально отвергает? Вопрос об этом задавать некому, задавать его бессмысленно, и оценка решения Бога по принципу справедливо – не справедливо вообще лишена основания. Так устроен мир, Бог так его устроил. Конечно, это мировоззрение получает свое оправдание через ветхозаветную библейскую версию, к которой отчасти тяготеет протестантизм, в частности, через новое толкование изгнания из рая, представленное в поэтической форме в поэме Дж. Милтона «Потерянный рай». Нам здесь важны практические следствия принятой протестантской религиозной доктрины, потому необходимо отметить следующее. Во-первых, протестантизм исключает общее соборное спасение христиан, оно есть дело исключительно индивидуальное. У каждого своя судьба, своя земная жизнь, в которой он либо наделен благодатью спасения, либо живет в среде отверженных. На место соборного сознания и соборного духа протестантизм ставит индивидуальное сознание и индивидуальные отношения с Богом. Во-вторых, у индивида есть возможность получить подтверждение своей избранности, пусть даже косвенное подтверждение, даваемое успехами в сакральном накоплении, о котором шла речь выше. Спасенные (предполагающие, что они предопределены к спасению) собираются в протестантские общины, в которых люди субъективно ощутили или ощущают, что на них лежит божья благодать как на избранных к спасе-

нию. М. Вебер указывает, что протестантская община по сути является своеобразным корпоративным объединением. Важно, что свой промысел бог творит руками избранных, они для того и избраны, чтобы творить историю. Разумеется, это уже некоторый высший уровень сознания высоких избранных, рядовые общинники могут утешаться самим фактом возможной причастности к тем, на ком лежит печать бога. Субъективно они могут ощущать это через те или иные знаки, якобы посылаемые им богом. Наконец, последний по нашему счету, но фундаментальный вопрос протестантского сознания, связан с отношением к жертвенному подвигу Христа. Христос в протестантской догматике искупил своими страданиями грехи людей, но не всех. На отверженных спасение и благодать Христова не распространяется, поскольку Христос искупил грехи предопределенных к спасению. Это важная предпосылка, принимаемая протестантской догматикой, ее в особенности подчеркивает кальвинизм.

Приняв во внимание основные догматы протестантизма, можно понять характер мироощущения и основание той трудовой этики, которая, по М. Веберу, легла в основание «духа капитализма». Рациональная страсть к предпринимательству и рациональное капиталистическое предприятие основываются на религиозной страсти, на тех догматах веры, которые утверждала Реформация. Общество, принимающее эти догматы, принимает тем самым моральные основания, дающие этическую легализацию капитализму, во всяком случае, легализующие его хозяйственную этику. В рамках этого мировоззрения формируется жизненная философия, идеал которой, как указывает М. Вебер, «кредитоспособный добропорядочный человек, долг которого рас-

сматривать приумножение своего капитала как самоцель» [1, с. 73]. Разумеется, у этого общества будет своя логика развития, которая определится не только протестантской догматикой, но названная догматика будет выполнять своеобразную охранительную роль для капитализма вместе с другими социальными и культурными факторами.

Важность веберовского исследования капитализма в том, что он впервые указал на религиозно-культурные факторы его рождения. В этом плане М. Вебер мыслит прямо противоположно К. Марксу, именно он хочет сказать, что дух капитализма, его основные воззрения на смысл жизни родились прежде самого капитализма как некоей общественной системы. Здесь нет прямой связи с прогрессом производительных сил, с прогрессом средств производства, на которой настаивал К. Маркс, хотя при этом протестанты как носители «духа капитализма» были на первых порах наиболее активной силой буржуазных революций. Однако в ходе утверждения капитализма сформировались светское мировоззрение и политическая идеология нового становящегося общества. Эту работу совершило европейское Просвещение, выстроившее фундаментальную нерелигиозную антропологическую версию, подпиральную до сего времени идеологию буржуазного общества. Кроме того, формирование капитализма было бы невозможным без ряда исторических обстоятельств, характерных для западной Европы, на которые указывает Ф. Бродель в своем исследовании экономической истории Европы.

Сегодня исследование М. Вебера сохраняет свою ценность по ряду причин. Во-первых, немецкий ученый указал на культурное, точнее, этико-культурное содержание капитализма. Общественный строй,

названный капиталистическим (или буржуазным), должен быть рассмотрен прежде всего со стороны тех нравственных ценностей, которые легли в его основание. Отметим при этом, что исследование М. Вебера не дает ответ на все вопросы, связанные с мировоззренческим и этическим обоснованием капитализма, завоевание европейского общества которым приходится на XV–XVIII вв. М. Вебер указал лишь на роль трудовой этики протестантизма в становлении «духа капитализма», который нельзя исчерпать названной трудовой этикой. Этот «дух» предстает как некое мировоззрение, как некий проект будущего, и возникает он раньше, чем была выстроена социальная система капитализма. В этом плане воззрения М. Вебера, как уже отмечено, противоположны концепции К. Маркса. Во-вторых, веберовский анализ духа капитализма ценен для нас тем, что он ничего не говорит о капитализме как неизбежном всемирном историческом пути. По М. Веберу получается, что капитализм есть событие европейской истории и рационализм капиталистического предприятия, как и

трудовая этика протестантизма, предстают как исключительно европейское явление, как продукт европейской истории, возведенный К. Марксом в ранг закона мировой истории. Говоря иначе, капитализм теряет ту всемирно-историческую легитимацию, которой наградил его К. Маркс. Он есть локальный продукт европейской истории, он родился в Европе, его родина Европа, там его корни. И если он ограничен какой-то культурой, то только культурой европейской; если же он болезнь культуры, то опять-таки болезнь культуры европейской.

Литература

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 61–272.
2. Замбарт В. Буржуа. – М.: Наука, 1994. – 443 с.
3. Соловьев В.С. Несколько слов о настоящей задаче философии. Соч. в 2 т. – Т. 1. – М.: Правда, 1989. – С. 15–18.
4. Чешев В.В. Марксизм и этос капитализма // Идеи и идеалы. – 2014. – № 1 (19). – Т. 1. – С. 66–76.